

Александр Обчинников

*Один в поле
воин!*

За ВДВ!

Александр Овчинников

Один в поле воин! За ВДВ!

«Издательские решения»

Овчинников А.

Один в поле воин! За ВДВ! / А. Овчинников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744533-1

Тебя призывают в Армию? Настал час Истины! Ты готовился к службе, проливал кровь и пот на ринге и на тренировках? Учился биться за себя и за своих родных? А может, ты только и делал, что стоял в очереди за водкой или пивом, а потом валялся пьяным на помойке? Иди и получи то, что заслужил!

ISBN 978-5-44-744533-1

© Овчинников А.
© Издательские решения

Содержание

Дивизия	6
Гражданка. Бокс	11
Курс молодого бойца	14
3.1 Первые мозоли	14
3.2 Наряд по столовой	19
3.3 Баня	20
3.4 Учебная тревога	22
3.5 Письма из дома	23
3.6 Постирай тельняшку!	25
3.7 Шестёрки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Один в поле воин! За ВДВ!

Александр Алексеевич Овчинников

© Александр Алексеевич Овчинников, 2016

ISBN 978-5-4474-4533-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга написана в память о службе в Воздушно Десантных Войсках. В книге Рассказывается о сложных взаимоотношениях между солдатами разных призывов. В ней наглядно показано, что «молодой» солдат, призванный в Армию, может и обязан стоять за свою честь, а не ныть по углам, размазывая сопли! А для этого нужно, ещё на гражданке, заниматься боевыми единоборствами, а не стоять с бутылкой пива или водки у ларька!

Дивизия

– Слоны, вешайтесь! – кричат нам отовсюду.

По территории ходят военные люди в шинелях, с голубыми погонами, в петлицах горят эмблемы Воздушно Десантных Войск! Военные с радостью и воодушевлением разглядывают нас, машут руками.

Мы, это «молодое» пополнение, прибывшее в 76 Гвардейскую Краснознамённую Черниговскую Воздушно Десантную Дивизию. На дворе ноябрь 1988 года, мы едем с железнодорожного вокзала города Пскова, в тентованных ГАЗ-66, по территории прославленной дивизии.

Ура! Сбылась моя мечта! Я попал служить в ВДВ! И сейчас моё сердце наполняется радостью, и гордостью за себя!

Давайте знакомиться: меня зовут Александр Новиков, 20 лет от роду, размер сапог – 43, размер одежды – 48, вес – 65 кг, сильный, но легкий!

Живу, то есть жил, до призыва в Советскую Армию, в городе Светлый Центральной России. Имею 1 разряд по боксу, два прыжка с парашютом, третий не удалось совершить из-за погоды. Диплом техника-механика, молодой специалист, и ещё кучу очень полезных навыков, которые мне, как я думаю, помогут с честью отслужить в десантных войсках.

Наши машины подъезжают к армейскому клубу 34 гвардейского полка. Вся «молодёжь» прыгает из машин. Собрался весь Советский Союз, разношёрстная компания, кто уже лысый, кто ещё нет, все в гражданке. Озираемся, с любопытством, по сторонам. В этой гвардейской дивизии нам предстоит служить два года. Что кого ждёт, ещё никто не знает, но все надеются на лучшее.

Шумной, разношёрстной толпой заходим в армейский клуб, садимся в телевизионный зал, ждём, что будет дальше, делимся первыми впечатлениями. В зале стоит шум и гам.

Вот в зале появляются большие звёзды: подполковники, майоры... шум стихает. Представители частей, подразделений дивизии пришли выбрать в свою часть, подразделение, подходящих по разным параметрам воинов: образование, спортивные разряды, наличие водительских удостоверений, дипломы об образовании и др....

Полковник начинает переключку, услышавший свою фамилию новобранец кричит – «Я!»

Пришедшие офицеры начинают задавать вопросы в зал.

– Высшее образование? – спрашивает гвардии майор. Поднимаются несколько рук.

– За мной! – командует гвардии майор, забирает новобранцев и выходит из зала.

– Права на легковую автомашину? – спрашивает гвардии капитан, поднимается лес рук, гвардии капитан отбирает себе нужное количество новобранцев и с ними выходит из зала.

– Права на грузовую автомашину? – спрашивает другой гвардии майор. Поднимается несколько рук. Вместе с гвардии майором новобранцы выходят из зала.

– Кто окончил техникум? – спрашивает гвардии подполковник.

Я поднимаю руку. Гвардии подполковник отбирает нужное количество будущих воинов, и с нами выходит из зала.

Мы, шумной толпой, идём за гвардии подполковником, с интересом смотрим по сторонам. У солдат в дивизии сегодня праздник, привезли «молодое» пополнение. «Деды» могут скоро уехать домой – два года позади!

Подходим к трёхэтажной казарме – батальон. Это наш дом на ближайшие два года. У батальона снуют туда-сюда солдаты, офицеры, всем интересно, кого привезли служить.

«Молодых» на батальон, человек сто. С Узбекистана, с Молдавии, с Украины, с Белоруссии, с Прибалтики – со всего Советского Союза.

Заходим в ленинскую комнату, в четвёртой роте, рассказываемся, делимся впечатлениями, обсуждаем увиденное... В ленинскую комнату заходит гвардии полковник и гвардии майор.

– Здравия желаю! Добро пожаловать в гвардейский батальон! – говорит гвардии полковник. – Я, гвардии полковник Зотов, являюсь командиром батальона. В течение трёх с половиной месяцев вы будете проходить «Курс молодого бойца» на нашей базе «Степная», в десяти километрах от Пскова. После окончания «Курса молодого бойца» (КМБ) каждый из вас сдаст зачёты и будет распределён по подразделениям батальона. Командиром вашей учебной роты назначен начальник штаба батальона гвардии майор Шаповалов. Сержантами, которые будут учить вас уму-разуму, назначены; гвардии сержант Стариков, гвардии сержант Смирнов и гвардии сержант Миниханов.

Гвардии полковник показывает на трёх гвардии сержантов, находящихся в ленинской комнате.

– Даю слово гвардии майору Шаповалову, – говорит гвардии полковник.

– Здравствуйте воины, с сегодняшнего дня я буду командиром вашей учебной роты, – начал гвардии майор Шаповалов. – Сейчас вы все, вместе с гвардии сержантами, идёте на склад, получаете обмундирование, и убываете на базу «Степная», где готовите полученное обмундирование для дальнейшей службы. Свободны! – командует гвардии майор.

Толпой выходим из ленинской комнаты, пока есть время, осматриваем расположение четвёртой роты батальона.

Посередине «взлётка» – полоса шириной два метра, покрытая линолеумом, тянется через всю казарму. По сторонам «взлётки» деревянные, выкрашенные красной краской полы, натёртые бесцветной мастикой.

Напротив двери установлена тумбочка дневального по роте, с телефоном. Слева от входной двери, помещение дежурной части, для ответственного, по роте, офицера.

Справа от входной двери бытовка с гладильными досками, утюгами. Дальше ленинская комната. За тумбочкой дневального по роте, комната для умывания, с четырьмя раковинами и натёртыми до блеска кранами, дальше туалет с четырьмя кабинками, с отверстиями, вместо унитаза. На полу плитка. В углу туалета стоит «Машка» – железная швабра, инструмент для натирания деревянных полов.

Дальше, по «взлётке», вход в спальное помещение. За входом, слева и справа, расположились ниши для шинелей, в них, впоследствии, можно было удачно и не удачно, спрятаться от начальства. Слева и справа, в расположении, стоят железные кровати, кое-где в два этажа. Полосы на одеялах идеально выровнены. Края одеял острые, как бритвы. В левом углу спортивный уголок со штангой, гантелями, боксёрским мешком. В конце «взлётки» стол со стульями. Где, обычно после «отбоя», восседают старослужащие солдаты, нарезаая сало и другие вкусности. Над входом в расположение висит телевизор, предусмотрен обязательный просмотр новостей перед отбоем. Деревянный пол натёрт «Машкой», блестит как у кота яйца. Порядок идеальный! Но кто этот порядок наводит?

– Новобранцы, строиться на плацу! – это сержант Миниханов принял командование на себя.

Мы, всей дружной и не очень дружной, толпой выходим и строимся на плацу, около казармы.

– На пра-а-во, ша-а-гом марш! – рулит сержант Миниханов, мы строем, по два, выдвигаемся за метров сто, до вещевого склада.

На складе сидит прапорщик, спрашивает у каждого из нас размеры и выдаёт форму. Шинели, «ПШ» – «полушерстяное», китель, с революционными галифе. Кирзовые сапоги,

пару портянок. Зимнюю шапку, нательное бельё, погоны, нашивки, кокарды и прочее, прочее...

Со всем этим скарбом выдвигаемся, естественно строим, обратно на плац, к батальону, отдыхаем и ждём автомашину для убытия на базу «Степная».

Подъезжает пара автомобилей, мы грузимся со своими вещами, сидим друг на друге, в тесноте, да не в обиде, и трясёмся по дороге в будущее. Каждый в своё.

Вот и «Степная». Кирпичное двухэтажное здание в лесу, со всеми удобствами, свежий воздух, смешанный лес, аккуратные асфальтовые дорожки, как будто и не уезжал из дома.

Поднимаемся на второй этаж. Спальное помещение, четыре ряда железных кроватей, в два этажа, туалет с умывальником, на несколько персон. Бытовая комната, с парой гладильных досок и парой утюгов, зеркала у входа. Тумбочка дневального, как без неё, с телефоном. Оружейная комната, с оружием и специальными средствами. На первом этаже столовая, с кухней и бытовыми помещениями. Метров в ста, от казармы котельная, только там можно раздобыть горячую воду. Около казармы свой небольшой плац, гаражи для автомобилей. В общем, отличное место для начала военной карьеры!

Всю полученную форму нужно привести в порядок: отгладить, подшить, пришить – работы много и нужно успеть до «отбоя».

Получаем постельные принадлежности. Застилаем кровати, мне достаётся верхняя кровать в середине казармы.

Потом вооружаемся иголками, с нитками и начинаем шить. Непривычная работа. Скоро все пальцы у меня исколоты. Фурнитуру нужно пришить на шинели, «ПШ», и я шью, не покладая рук, как в швейной мастерской.

Из батальона нам назначили трёх сержантов, которые будут нас учить уму-разуму. Как правило, такой чести удостоивались самые ближайшие, к командирам, сержанты, которые делом доказали свою лояльность к начальникам, что, естественно, не означает наибольшую подготовленность, в отличие от других военнослужащих, этих сержантов.

1. сержант Миниханов – татарин, с Альметьевска, смуглый, худощавый тип, с беспокойными глазами, лет 19.

2. сержант Стариков – долговязый. Метра под два ростом человек. Плечи узкие, ляжки толстые, наверно легкоатлет, на вид 19 лет. Место жительства, не известно.

3. сержант Смирнов – невысокий, плотный, немногословный, с телосложением борца, наверно самый достойный из всей троицы, на вид 20 лет. Место жительства, не известно.

Наш, «молодой», призыв, около ста человек, поделён на три взвода. Мне командиром взвода достался сержант Миниханов. Сержант ходит очень важный, показывает наматывание портянок, очень важная наука, пришивание фурнитуры, подшив. Утюгом с марлей, смоченной в воде, разглаживаю новые галифе, китель. Новые кирзовые сапоги жёсткие, как из железа, портянки норовят слететь с ноги, а в них ещё и бегать нужно будет?!

В процессе шитья, обросших «молодых» солдат, сержанты вызывают в бытовую комнату, подстригаться. Подстригают ржавой ручной машинкой, она застрекает в волосах, щиплет, выдирает клочки волос. Выбрав клочок волос, сержанты громко гогочут. Хоть какое-то для них разнообразие, а я смотрю на себя в зеркало и мне почему-то не до смеха. Лысый, но опять плюс – голова не потеет. Всё-таки в службе нужно искать положительные моменты, а их немало, чтобы служба шла как по маслу.

– Строиться! – командует сержант Миниханов.

Мы все бодро, уже в новой форме, выстроились, на руках шинели, шапки. Сержанты проверяют правильность пришивания, качество работы. Плохо пришитое, сразу отрывается и шьётся заново. Качество пришивания «подшив» – полоса белой ткани на подворотничок кителя, проверяется особо тщательно, так как подшиваться предстоит каждый день. Но и здесь свои тайны, «подшиву» можно пришить за несколько секунд.

Скоро «отбой», все новобранцы справились с подготовкой формы. Старательно учимся наматывать портянки, пока без особых положительных сдвигов, они всё норовят слететь с ноги. У каждого новобранца в петлице эмблема ВДВ!

Около каждой кровати стоит свой табурет и своя тумбочка. На табуретку аккуратно складывается «ПШ», сверху зимняя шапка, на перечнях табурета натягиваются, крест-накрест, портянки. В тумбочке хранятся мыльно-пыльные принадлежности, без излишеств, да и откуда, пока, излишества? Шинели висят около входа в казармы, каждая пронумерована раствором хлорки. Чуть хлорки замачивается водой, размешивается и спичкой пишется, на внутренней части формы, номер, или фамилия бойца. Чтобы утром не проснуться без одежды.

Сегодня выдался богатый на события день. Мой первый день службы в Советской Армии. Впереди ещё чуть-чуть, всего два года службы. За окном темно, падает снег, зима! Дома тоже зима, как там дома? Настроение бодрое, в десантные войска попал, что ещё нужно для полного счастья? Ах да, – поесть, поспать и на глаза сержантам не попасться!

– Строиться! – командует сержант Стариков. Мы падаем в строй, но, по мнению бравых сержантов, не резко.

– Все команды в Армии выполняются бегом или ползком! – учит сержант Миниханов.

– Команда «отбой» исполняется в очень быстром темпе, если кто-то не успевает за 45 секунд, время сгорания одной спички, «отбиться», то вся рота из-за него возвращается в исходное положение! Ясно? – кричит сержант Смирнов.

– Отбой! – командует сержант Миниханов.

Наш строй рассыпается, и вся толпа несётся, перепрыгивая друг друга, к своим кроватям. Места катастрофически не хватает, мы толкаем друг друга, матюгаемся, скидываем «ПШ», снимаем кирзовые сапоги, вешаем портянки и летим в кровать. Накрываемся одеялом.

– Не успели! – грусть сержантов не описать словами.

– Набрали слонов неповоротливых, – поддерживает сержант Стариков.

– Отставить! На исходное положение!

Веселье только началось, мы стараемся раздеться и одеться за 45 секунд. Строимся и отбиваемся.

– Да, грустное зрелище, господа парашютисты, – говорит вездесущий сержант Миниханов. – Вы ещё не десантники, а парашютисты. Вот когда выпрыгните с ИЛ-76, то может быть и станете десантниками. К тому же, вы бойцы первого года службы, то есть «боевые слоны». Через полгода службы будете просто «слонами». Через год станете «ветеранами», через полтора года превратитесь в «дембелей», через два года службы будете «дедами», и перед самой демобилизацией, после подписания приказа о демобилизации, «гражданские», – просвещает нас сержант Миниханов.

Какая долгая дорога нам предстоит. Жёсткая градация, всё самое интересное ещё впереди!

– Отбой! – кричат весёлые сержанты.

Наша «молодая» толпа несётся к своим кроватям, со стороны невероятно смешно. Кое-как укладываемся в кровати.

– Отставить! – сержант Миниханов неукротимо борется с нашей ленью и бестолковостью.

Мы вскакиваем с кровати, я приземляюсь на чью-то шею, получаю порцию отборного мата, толкаясь и нервничая, надеваем галифе, китель, мотаем портянки, натягиваем новые кирзовые сапоги, хватаем ремни с шапками, и бежим в строй.

– Все должны укладываться за 45 секунд! – напоминает нам долговязый сержант Стариков, ему тоже очень хочется «порулить» новобранцами.

– За торможение одного, страдают все! Отбой!

Топот более ста пар ног грохочет по полу, через минуту смолкает, мы затаились. Скорее всего, три сержанта тоже устали за этот день и милосердно дают нам удобнее устроиться в своих

солдатских кроватях. Я закутываюсь в одеяло. Хорошо! Один из самых приятных на слух приказов «отбой», не считая «приступить к приёму пищи!»

На сегодня всё. Я проваливаюсь в объятия Морфея. До завтра!

Гражданка. Бокс

Город Светлый, лето 1983 года. Жаркий летний день, солнце в зените: яркое, тёплое, птички щебечут о своём...

Мне 13 лет, иду по району города Светлый, в сторону продуктового магазина, с целью купить хлеба, настроение отличное, напеваю весёлую песенку.

Из подворотни вырываются два подвыпивших типа, лет 16—17, повыше и покрепче меня. Хорошее настроение мгновенно улетучивается, его место занимает тревога и обречённость.

– Стоять, пацан, деньги давай, – говорит мне тот, кто повыше.

– Нет денег, – мямлю я.

– А если найду? – весело интересуется второй.

Непослушной рукой я вытаскиваю пять рублей, на которые хотел отовариться в ближайшем магазине, и отдаю длинному.

– Молодец! – радостно восклицает он, пряча мои кровные деньги в свой карман.

Они быстро исчезают в подворотне. Я, морально униженный и беззащитный, иду домой, ухожу в себя в своей комнате и напряжённо думаю, что нужно сделать для того, что бы эта скверная ситуация не повторилась.

– Что мне помешало дать им отпор? – спрашиваю я себя.

– Ты был физически и морально слабее хулиганов, – шепчет мне моё самолюбие.

– Что нужно делать, чтобы стать сильнее? – спрашиваю я его.

– Иди в секцию единоборств, это единственный выход, – говорит моя гордость. – Секция шахмат, даже «быстрых» вряд ли здесь поможет, – добавляет она.

Всё, решено, завтра я уже иду записываться в секцию бокса, в «Спартак». Секция бесплатная, деньги у родителей клянчить не нужно, только своя спортивная форма, да свои руки и ноги, с желанием стать сильным.

Тренер, мастер спорта СССР по боксу, принял меня доброжелательно. Одобряет мой боевой настрой. Сразу начинается моя первая тренировка по боксу. Занимаются люди разных возрастов и уровней мастерства. Много моих ровесников, даже совсем ещё мелкие занимаются. Некоторые бьются между собой с очевидным мастерством.

Разминаемся, бегаем по кругу, несколько кругов, начинаем у зеркала отрабатывать удары руками. Техники у меня никакой, удары получаются корявыми, тренер ходит около нас, поправляет стойку, объясняет технику нанесения ударов руками.

Разбираем боксёрские перчатки, бинтуем кисти рук, как бинтовать подсказывают бывалые боксёры. Тренер назначает каждому соперника по уровню мастерства. Засекает время.

Гонг! Начинается учебный бой. Мой напарник такого же уровня, то есть никакого. Мы начинаем бить друг друга по голове, по корпусу, куда попадёшь.

Гонг! Отдых минута и опять в бой! Уже ноет челюсть, голова гудит, кровь из носа, синяк под глазом. Богатый урожай!

Гонг! Бой закончен, снимаем боксёрские перчатки, относим их в сушилку, складываем на батареях.

Под конец тренировки работаем на силу, отжимаемся, подтягиваемся, выпрыгиваем, бьём по крышке от грузовика железной кувалдой. Полтора часа тренировки прошли как одна минута. После душа, домой. Познакомился с кучей нормальных пацанов.

Еду домой, вроде нашёл себе то, что нужно. Три раза в неделю хожу в боксёрский зал. Почти после каждой тренировки иду домой с красивым, лиловым синяком. В каждой тренировке стою в паре, бьёмся по серьёзному, а иначе боксу не научиться. Закаляется характер. Пропадает страх драки, не боишься ударов, а учишься уходить от них. Приходит техника боя.

В парах уже стою с настоящими боксёрами. Конечно, ещё пропускаю удары, получаю синяки и ссадины. Через три месяца занятий, намечаются областные соревнования, и тренер меня ставит на них.

День соревнований. Прихожу в спортивный комплекс, уже наблюдается много народа. Спортсмены в спортивных костюмах, зрители, тренера. Спортсмены приехали со всей области, начал проявляться нехилый мандраж. Подхожу к своей команде, тренер раздаёт перчатки, бинты, трусы и майки. Мы уже изучили список пар, знаем фамилии соперников, их класс. Бывалые боксёры дают советы, успокаивают. Готовимся к боям. Подгоняем спортивную форму.

Начались соревнования. Судья вызывает бойцов. Зал начинает бушевать, орать, свистеть. Бойцы бьются, нырки, уклоны, серии. Красивая наука, бокс. Каждый хочет победить. Зрители неистовствуют в зале, болеют за боксёров. Наша команда переживает за своих спортсменов, мы кричим, свистим. Адреналин зашкаливает, каждый хочет выйти в ринг, и показать своё мастерство.

Называют мою фамилию, я выхожу на ринг, на меня смотрит море народа! А вот и мой противник. В зале начинают орать и свистеть, поднимается невообразимый шум.

Гонг! Начинается бой. Перемещаюсь влево, удар левой рукой, уклон, удар правой. Противник выбрасывает правую руку, уклоняюсь. Наношу левой, правой, боковой левой. Слева прилетело, голова отозвалась звонким гулом, внутри закипела злость, сейчас я тебя достану! Уклон влево, ложный финт, прямой справа. Попал! Голова противника откинулась, но сдаваться он не собирается. Так проходит две минуты. В зале шум, гам. Я уже не вижу никого, только противник и я.

Гонг! Отдых одна минута. Присел на стул в своём углу, секундант машет полотенцем, гонит на меня воздух. Объясняет допущенные мной ошибки, я киваю ему.

Гонг! Второй раунд. Мы уже не стесняемся, бьёмся изо всех сил.левой, правой рукой – уклон, правой, левой, правой – уклон. Правый глаз противника заплыл, значит, уроки тренера и ссадины, полученные на тренировках, не прошли даром!

Гонг! Конец боя. Подхожу к своему углу, тренер говорит, что я всё правильно сделал. Может, и выиграю, пацаны хвалят, подбадривают. Судья в ринге подзывает нас, ждём решения судей. Объявляют победителя, называют мою фамилию! Моя первая победа на ринге! Мне поднимают руку!

Голова трещит от пропущенных ударов, правый глаз заплыл. Но какие крутые переживания! Бьются уже другие пары. Зал неистовствует. Вот это спорт!

Я в полуфинале. Мой следующий противник кандидат в мастера спорта СССР по боксу. Вот это экзамен! Будем биться!

Опять называют мою фамилию. Выхожу в ринг, в зале свистят, кричат. Выходит мой противник.

Гонг! Первый раунд. Противник профессионально, без напряжения выбрасывает джеб – попал, нужно уклоняться, а не стоять как истукан! Опять летит удар, уклоняюсь, бью сам. Делаю уклон и наношу удар левой, правой – попал! Голова противника откинулась. Вот так, и с мастерами мы умеем биться! Противник наступает, бьёт сериями. Я отступаю с ударом, то левой, то правой рукой. Попал противнику в челюсть, разбил ему нос. Лицо противника в крови.

Гонг! Перерыв одна минута. Зал свистит, гудит. Сажусь в углу на стуле, тренер не скрывает своего удивления. Новенький спортсмен бьётся против кандидата в мастера спорта СССР, и хорошо бьётся!

Гонг! Второй раунд. Противник наступает, бьёт сериями, я отступаю с ударами правой и левой руки. Противник опять весь в крови, натывается на мои встречные удары. Но и мне прилетело хорошо, голова гудит как колокол. В зале от криков и свиста ничего не слышно.

Гонг! Бой закончен. Думаю, что проиграл по очкам. Но показал себя с хорошей стороны. Товарищи хвалят, подбадривают, тренер утвердительно кивает. Руку поднимают моему противнику, но и я в душе не проиграл. Несколько синяков, разбит нос, опухла нижняя губа и огромный прилив сил!

В этих соревнованиях я ничего не выиграл, а сколько их ещё будет! Со временем нашёл свою технику бокса, получил боевую практику. На разных соревнованиях занимал и первые, и вторые, и третьи места, а иногда и ничего не занимал. По улицам родного города передвигаюсь без страха!

Курс молодого бойца

3.1 Первые мозоли

– Рота, подъём! – врывается мне в голову!

Ах, да! Я же в Советской Армии! Спрыгиваю со второго яруса на чьи-то плечи, получаю порцию отборного мата, отвечаю соответственно. Натягиваю галифе, гимнастёрку, наматываю портянки, сую ноги в новые кирзовые сапоги и, схватив ремень, с зимней шапкой, несусь на построение.

Перед строем прохаживается тройка наших довольных сержантов.

– Не уложились! – радостно кричит сержант Миниханов. – Отбой!

Мы опять несёмся наперегонки, только сейчас в обратном направлении. На ходу снимаем шапки с ремнями, складываем на табуретку галифе с гимнастёркой, на нижних перекладинах табуретки крест-накрест расправляем портянки, ставим сапоги рядом и летим в кровати, укрываемся одеялом.

– Долго! – щерится сержант Смирнов. – Не торопитесь? – участливо осведомляется он. – Отбой!

Мы, весёлой толпой, бежим к заветным кроватям, на ходу скидывая обмундирование, прячемся под одеялами.

– Рота, подъём!

Я спрыгиваю со второго яруса, расталкиваю сослуживцев, одеваюсь и несусь на построение.

– Выбегаем на зарядку, форма одежды №4, «ПШ», зимняя шапка, без ремня. Ремни оставить на табуретках. Вперёд! – командует сержант Стариков.

Мы снимаем ремни, оставляем их на табуретках и неорганизованной толпой, спускаемся на плац перед казармой.

А на улице зима! Падает снег, температура минус 20, неплохо для первой зарядки! Я уже замёрз, трясусь от холода. Где эти сержанты бродят?! Стоим, ждёт гвардейских сержантов. Они выходят из казармы, и мы рвём с места в карьер. Через пару минут бега становится теплее. Бежим по зимнему лесу. Деревья белые и пушистые, свежий воздух. В лесу слышен только топот более ста пар кирзовых сапог, и наше дыхание.

Сразу определились спортсмены и аутсайдеры, несколько человек оказались с плоскостопием, еле плетутся в хвосте, что, во всём Советском Союзе не нашли здоровых мужиков?! Я бегу в числе первых, со спортом у меня всегда было на «отлично»! Через несколько километров кирзовые сапоги стали в сто раз тяжелее, портянки сползли с ног и натирают мозоли. Прибегаем на плац, начинаем подтягиваться, по несколько человек сразу.

– Раз! – вверх, Два! – вниз, Раз! – вверх, Два! – вниз, Раз! – вверх. Два! – вниз, – ведёт счёт сержант Миниханов. Слабаки начинают срываться с турников. Сильные солдаты висят на перекладинах и ждут, когда сорвавшиеся запрыгнут обратно.

– За одного страдает весь личный состав! – кричит сержант Смирнов.

– Ничего, подкачаются! Не хочешь, заставим, не можешь, научим! – острит сержант Миниханов.

После турников переходим на брусья. Отжимаемся на них, ходим по ним на руках. Машем руками и ногами, приседаем, ходим на корточках, гуськом.

– Заходим в расположение, умываемся, наводим порядок, – командует сержант Смирнов.

Я, вместе со всеми, захожу в расположение. Снимаю китель, он весь мокрый от пота, вешаю его на спинку кровати, снимаю сапоги, разматываю сбившиеся в комок портянки.

На обеих ногах кровавые мозоли! Кожа с пальцев почти содрана кирзовыми сапогами. Ужасное зрелище! И это после первой зарядки, а что будет дальше?!

Надеваю тапки и ковыляю в бытовую комнату. Беру в аптечке зелёнку с лейкопластырем, заливаю зелёнкой вскрытые мозоли, заклеиваю кровавые мозоли пластырем. Потом эта процедура, заливания зелёнкой и заклеивания мозолей пластырем, будет проводиться по несколько раз в день. А сейчас мне кажется, что эти кровавые мозоли с моих ног не сойдут никогда!

В тапках хромаю в умывальник. Душа нет, горячей воды нет, пот смываю под раковиной с тех мест, куда умудряюсь дотянуться. Умываюсь, чищу зубы.

После водных процедур переходим к наведению порядка в подразделении. Заправляем кровати, равняем по верёвке, натянутой от первой до последней кровати, полосы на одеялах. Беру табуретку, прикладываю её к краю одеяла, и тапкой бью по одеялу. По торцу одеяла проявляется острый край. Эта процедура называется «отбить кантик».

Еда на эту базу завозится в бачках из дивизионной столовой, здесь раскладывается по кастрюлям, разгружается хлеб, масло. Бачки моются и отправляются обратно в дивизионную столовую. Из числа новобранцев каждый день назначается наряд, по четыре человека. Два в наряд по столовой и два в наряд по роте. Меня эта миссия пока миновала, но всему своё время.

– Рота, строиться! – командует сержант Миниханов.

Мы бросаем все дела, надеваем мокрые гимнастёрки, мотаем, поверх залепленных мозолей, сырые портянки, натягиваем неподъёмные кирзовые сапоги, хватаем ремни с шапками и, стараясь не хромать, падаем в строй.

– Спускаемся в столовую на завтрак, потом строимся здесь, напра-а-во, шаго-о-ом марш!

Заходим в столовую. Наряд по столовой, из двух человек, переложил привезённую в бачках, из дивизионной столовой «парашу» в кастрюли, и они сейчас стоят на столах. В столовой наблюдается четыре больших стола, к каждому столу прилагается по две деревянных лавки. Три стола занимает наш призыв, четвёртый стол оккупировали крутые сержанты.

На наших столах нарезанный хлеб, чай в чайнике и батоны, запах по всей столовой! На столе у сержантов признаков нашей «параша» не наблюдается. Они балуются, исключительно, булочками и печеньем из дивизионного «булдыря».

«Булдырь» – солдатское кафе, расположенное на территории дивизии.

«Параша» – питательная солдатская еда, состоящая из каши-клейстера, которую и собаки кушать испугаются, супа без картошки и мяса, с бульоном, в котором плавают ошмётки, странного на вид, сала.

Ещё на столах присутствует масло, в виде круглых пятаков, отличительная черта питания в ВДВ, в других родах войск масло не выдавалось, а в ВДВ, каждый день!

Солдат, стоящий посередине стола, автоматически становится раздатчиком пищи. Он из кастрюли раздаёт каждому в тарелку порцию, наливает чай. А время приёма пищи проходит, в итоге, как правило, раздатчик пищи остаётся голодным. Естественно, каждый солдат старается избежать этой участи, и пытается оказаться подальше от середины стола.

Каждый взвод занимает свой стол. Стоим за столом, ждём команду. Сержанты сидят за своим столом, выдерживают паузу. Наслаждаются своей властью.

– Садись! – звучит команда. Мы дружно садимся.

– Отставить! Встали.

– Садись! Сели.

– Отставить! Встали.

– Садись! Сели. Сидим, ждём.

– Приступить к приёму пищи! – радостно кричит сержант Миниханов.

Раздатчик пищи за нашим столом, накладывает в протянутые миски кашу-клейстер.

А я беру самую большую и аппетитную горбушку батона, благоухает изумительно! Старательно намазываю её маслом, после каши я с горбушкой разберусь! Вокруг уже чавкают, солдаты жуют кашу-клейстер, а я ещё занимаюсь батоном. Всё, намазал батон, пора заняться кашей. Только взял ложку:

– Закончить приём пищи! – кричит сержант Миниханов.

Я не верю своим ушам! Я ещё ничего не поел, вашу дивизию! Все отложили свои ложки в стороны, чавканье прекратилось. Я пытаюсь по-тихому укусить горбушку батона.

Вжи-и-ик! – летит мне в голову железная солдатская кружка, брошенная кем-то из сержантов. Она пролетает около моей головы, ударяется в стену.

– Что, бля, команду не слышно?! – визжит долговязый сержант Стариков. Я, со злостью, бросаю свою нетронутую горбушку батона в кастрюлю. Поел!

– Выходим из столовой, строиться в расположении!

На всю жизнь я запомнил эту, наверно, очень вкусную, горбушку батона! Позднее, приём пищи я начинал с каши, после каши иногда успевал укусить кусок батона. Мы строимся в расположении.

– Заходите в ленинскую комнату, берёте тетради, ручки, изучайте Воинский Устав Советской Армии. Живи по Уставу, завоеешь честь и славу! – гогочут счастливые сержанты.

Садимся в ленинской комнате, листаем Устав, боремся со сном, а я ещё и с голодом. Пока бежать никуда не нужно и то хорошо! Посидели в ленинской комнате, выходим на перерыв в расположение. По расположению передвигаемся в тапках, ноги горят из-за мозолей.

Тут в расположение заходит командир нашей учебной роты, гвардии майор Шаповалов. Дневальный растерялся от неожиданности.

– Вольно! – кричит он, видит, что не то.

– Ой! – вырывается у него.

Гвардии майор терпеливо ждет от дневального нормальной команды, наш личный состав вскочил на ноги, стоим по стойке «смирно».

– Смирно! – наконец дневальный подобрал нужную команду. Мы, втихаря, смеемся над растерянным дневальным.

– Вольно! – разрешает гвардии майор.

Ходит по расположению, смотрит порядок, разговаривает с сержантами. Замечает наши залепленные пластырями, и залитые зеленкой ноги:

– Ноги натерли? Больно? – участливо спрашивает.

– Так точно, товарищ гвардии майор! – хором отвечаем мы ему. Хороший командир нам достался! Заботится о нашем здоровье, может, больше не будем бегать, пока мозоли не сойдут?

– Мало бегаєте, десантники, нужно увеличить беговые нагрузки! – огорошил нас гвардии майор. Наши надежды на отдых улетучились, как дым! – Через пару месяцев каждого из вас закрепят за конкретной ротой батальона так, что старайтесь постичь все премудрости службы, учителя у вас грамотные, – добавляет гвардии майор, и удаляется вместе с сержантами...

– Рота, строиться на обед! – кричит дневальный.

Построение – это неотъемлемая часть нашей службы, на оставшиеся два года. Почему на гражданке не строятся?! Это так интересно!

Ведомые лихими сержантами, мы спускаемся в столовую, встаем за своим столом, при этом стараемся не попасть за середину стола, что бы ни быть раздающим пищу.

На столе уже жидкий, но очень «калорийный» суп, с ошметками сала, и наша любимая каша-клейстер, только теперь из перловки, нарезанный черный хлеб, чай в чайнике.

Стоим, ждем разрешение сержантов.

– Садись! – кричит немногословный сержант Смирнов, и ему очень хочется нами «поругать».

Мы садимся, но не дружно.

– Отставить! – радостно кричит сержант Стариков.

Мы встаем.

– Садись!

Сели.

– Отставить!

Встали.

– Садись!

Только сейчас до меня дошло, в какой дурдом я попал, но ведь своей мечте на горло не наступишь!

Мы сели.

– Приступить к приему пищи! – раздалась долгожданная команда.

Раскладывающий пищу судорожно хватается тарелки, и наливает туда чудо-суп, кто успел первым схватить тарелку – тот и съел! Я искоса смотрю на сержантов, нашу «парашу» они не кушают, старослужащие сержанты тешатся сладкими полосками и кексами, запивают соком, и весело на нас поглядывают.

Я отвоевываю свою тарелку «наваристого» супа, обжигаясь, вливаю эту жидкость в свой голодный желудок, протягиваю пустую тарелку раскладывающему, для получения каши-клеистера, получаю кашу, и с удовольствием уничтожаю ее. Какая она вкусная и питательная!

Напоследок успеваю откусить от куска батона, и запить глотком несладкого чая.

– Закончить прием пищи! – радостно верещит сержант Миниханов. Бля, приеду домой, заведу свинью, назову сержантом Минихановым, и зарежу!

Мы бросаем ложки, и ждем команды.

– Строится в расположении!

Личный состав учебной роты стоит в расположении.

От такой «вкусной» и «обильной» пищи хочется спать, а ещё больше – покушать. Я с тоской вспоминаю, недоеденные мной на гражданке, булочки и пирожные...

– Надеваем шинели и выходим на строевую подготовку! – кричат сержанты.

Выходим на улицу, обмундирование мокрое, сразу замерзаем. Строимся в колонну по два.

– Равняйся, смирно! Напра-а-во! Ша-а-гом марш! – рулит сержант Миниханов, – Тянем носок! Раз, раз, раз, два, три! Раз, раз, раз, два, три.

Болят натертые ноги, неумело намотанные портянки уже скомкались внутри, кирзовые сапоги натирают новые кровавые мозоли. А в остальном все нормально! Не ной, десантник!

Раз, раз, раз, два, три! Напра-а-во! Нале-е-во! Стой! Раз, два! Поднимаем левую ногу! Тянем носок, сильнее поднимаем, выше! Поднимаем правую ногу! Тянем носок, выше ногу! Шаго-о-м марш! Песню запе-е-вай!

Мы в недоумении, какую песню?

– Что, забили на сержанта, слоны? – сурово интересуется сержант Миниханов. – Прощаю! Сегодня раздам текст строевой песни, чтобы каждый выучил! – смягчился сержант.

Наш личный состав еще долго марширует, мы стираем наши многострадальные ноги в кровь, но не сдаемся.

– Заходим в казарму! – звучит долгожданный приказ.

Я, ковыляя из последних сил, забираюсь в казарму, на второй этаж. Снимаю сапоги, портянки сами слетают с ноги, кожа на ступнях отсутствует, ноги горят. Надеваю тапки, хромаю в бытовую комнату. Беру в аптечке зеленку и лейкопластырь. Заливаю раны зеленкой, обматываю пластырем. Этот кошмар никогда не кончится!

– Строится! – кричит дневальный.

Я накручиваю, красные от крови портянки, и со скрипом засовываю опухшие ноги в «мягкие» кирзовые сапоги. Вот это боль! Ковыляю, пытаюсь бежать, на построение.

– Сейчас за каждым будем закреплять оружие и специальные средства, будете писать бирки, клеить их в оружейной комнате, – радует нас долговязый сержант Стариков.

Мы, до ужина, подписываем бирки, клеим их в оружейной комнате. Занимаемся канцелярским делом. Гудящие ноги пока отдыхают, стараемся меньше ходить.

– Рота, строится на ужин! – кричит дневальный.

Идем в столовую:

– Сесть, встать, сесть, встать – черед знакомых команд.

Приступаем к ужину, усиленно работаем ложками, каша-клейстер пользуется у нас заслуженным спросом. Сержанты, естественно, к «параше» не притрагиваются, презрительно кричат физиономии и вкушают то, что им послал дивизионный «булдырь».

– Закончить прием пищи, строится в расположении!

Перед строем сержант Миниханов озвучивает фамилии, заступающих завтра солдат в наряд по столовой, и в наряд по роте. Я заступаю в наряд по столовой.

– Готовимся к отбою!

Мы устало расползаемся по табуреткам. Я снимаю кирзовые сапоги, разматываю, слетевшие с ног, портянки. Смотрю на свои опухшие ноги, на них появились свежие кровавые мозоли, на пятках, по три штуки, друг под другом! Надеваю тапки и хромаю в бытовую комнату. Уже привычно, заливаю мозоли зеленкой, заклеиваю лейкопластырем, становится веселее. Беру мыльно-пыльные принадлежности (зубная паста, щетка, мыло, бритвенный станок). Иду умываться, бриться, чистить зубы.

– Рота стройся на вечернюю проверку! – кричит дневальный по роте.

Ускорившись, я одеваю «ПШ», мотаю портянки, сую ноги в сапоги, хватаю ремень и шапку, и несусь на построение.

Сержант Миниханов проводит переключку личного состава, сверяя по списку, вдруг кто уже дезертировал. Сверился со списком. Звучат команды: «отбой», «отставить», по несколько раз. Минут тридцать мы бегаем в разные стороны.

Стадо новобранцев с грохотом метается туда-сюда. Наконец настает счастливый момент, и мы затихаем под одеялами. Все! Еще один день в Советской армии прожит! До завтра!

3.2 Наряд по столовой

– Новиков, подъем! Тебе в наряд по столовой, – будит меня дневальный по роте.

Я вскакиваю, как быстро пролетела ночь! Еще полчаса до «подъема», мне нужно успеть заправить кровать, умыться, одеться. Встретить ГАЗ-66, с продуктами, и разгрузить их, выложить из бачков нашу любимую кашу-клейстер, помыть бачки в котельной. Поставить бачки, обратно, в автомашину.

Перед заступлением в наряд, по два, в столовую и два, по роте, проходим краткий инструктаж у сержанта Миниханова. Расходимся по местам.

В наряд по столовой заступаю с Антошкой, призывник с Узбекистана, здоровый, загорелый парнишка 18-ти лет. По пути в столовую Антошка рассказывает про Узбекистан, Восток, дело тонкое, Петруха! Говорит, что жара там, под 50 градусов, не зря призывники, с Узбекистана, такие загорелые. Активная жизнь начинается с вечера, когда схлынула жара, до вечера большинство жителей сидят по домам.

Подъезжает ГАЗ-66 с продуктами, мы разгружаем хлеб, бачки с «парашей» и т. д. За рулем автомашины сидит солдат с четвертой роты, прослужил уже год, то есть, наш «дембель». Колчин интересуется, откуда мы, как жизнь на гражданке, рассказывает о службе в батальоне, подбадривает, дает нам советы.

Я, с Антошкой, выкладываю из бачков в кастрюли привезенную кашу, и мы несемся с бачками, за сто метров, в котельную, в ней чистим грязные бачки и несемся с ними обратно, к автомашине. Накрываем на столы, режем хлеб, выкладываем масло, тарелки, ложки, наливаем в чайники чай. Не торопясь завтракаем, о чудо! И ждем прихода личного состава.

Прибегает личный состав учебной роты. Раздаются команды: «встать», «сесть», «приступить к приему пищи». А со стороны смотреть куда интереснее, чем самому исполнять эту муштру. Солдаты лихорадочно жуют и убегают. Мы с Антошкой, не торопясь, собираем тарелки, ложки, кастрюли, несём весь скарб в котельную, там чистим грязную посуду, несём обратно, стираем со столов, подметаем пол.

Вот и все! До обеда можно делать вид, что мы очень сильно заняты работой, и никуда нас не привлекут! Очередная солдатская наука делать вид, что занят, и можно отмазаться от других дел!

В таком же, неспешном, темпе отработываем обед и ужин. Тянем уборку столовой до «отбоя». Спокойно идем умываться, мыться под умывальником местами и, без всяких: «отбой», «подъем», ложимся спать. Спокойной ночи!

3.3 Баня

– Рота, подъем! – кричит дневальный.

– Рота, подъем! – вторят ему сержанты.

Я вскакиваю с кровати, спрыгиваю со 2-го яруса кому то на плечи (как всегда), лихорадочно натягиваю галифе, гимнастерку, мотаю портянки. Со скрипом заталкиваю ноги в сапоги, хватаю ремень с шапкой и бегу строиться.

– Отставить! – кричит сержант Миниханов.

На ходу скидываю гимнастерку и ремень, бегу, толкаясь и матерясь, обратно. Складываю все на табуретку, разматываю портянки, вешаю их крест-накрест на перекладинах табуретки, рядом ставлю сапоги, сверху шапку и лечу в кровать, укрываюсь одеялом. Уф! Дольше перечислял, чем делал в действительности.

– Рота, подъем!

И все сначала, с бешеной скоростью! По несколько раз! Наконец построились.

– Сейчас на зарядку, после зарядки умываемся, наводим порядок, завтракаем. После завтрака убываем в дивизию, в баню, – говорит сержант Стариков.

Мы выходим на плац, в это холодное хмурое зимнее утро. Строимся по двое. Начинаем забег. Сегодня по плану 5 км. Бежим, согреваемся и оживаем. В лесу красота, тихо как в раю, только топот, более ста пар кирзовых сапог, беспокоит природу.

– Вспышка слева! – мы бросаемся вправо, на снег.

– Отставить! – встаём, бежим дальше.

– Вспышка справа! – бросаемся влево, на снег.

– Отставить! – встаём, бежим.

– Вспышка сзади! – бросаемся вперед и замираем на снегу.

– Отставить! – снова бежим.

– Взвалили на спину своего напарника!

Я сажаю на спину напарника, бегу с ним.

– Поменялись!

Теперь напарник несет меня на спине. Прибегаем на спортгородок. Повисаем на турниках, под счёт сержантов подтягиваемся.

– Раз! – подтянулись, перекладина у подбородка.

– Два! – повисли.

– Раз! – подтянулись.

– Два! – повисли.

Слабаки начинают падать с турников, сильные солдаты висят на перекладинах и ждут, когда сорвавшиеся слоны снова запрыгнут на турники. До тех пор, пока сами сержанты не устанут от наших воплей и стонов, мы повышаем свою силовую подготовку. После турников переходим на брусья, отжимаемся, ходим гуськом, ползаем. В общем, веселимся по полной программе!

– Заходим в казарму!

Веселой толпой летим в расположение. Скидываю мокрую гимнастерку, сырые портянки, сапоги. Надеваю тапочки, ковыляю в бытовую комнату, беру зелёнку с лейкопластырем. Заливаю свежие кровавые мозоли, ноги горят! Наматываю на мозоли лейкопластырь. Наверно наша, Советская, Армия разорится на зелёнке и лейкопластыре. В день уходит по несколько банок зелёнки, и по несколько мотков лейкопластыря. Оказал себе «первую медицинскую помощь», ноги уже ломит не очень сильно. Потом наводим порядок. По веревке ровняем полосы на одеяле, табуреткой формируем «кантик».

– Строимся на завтрак!

Натягиваю мокрую гимнастёрку, мотаю на ноги, красные от крови портянки, засовываю горящие, ободранные до мяса, ноги в тяжеленные кирзовые сапоги, хватаю ремень с зимней шапкой, хромая бегу на построение. Строимся, идем столовую на завтрак. Встать, сесть, встать, сесть! Быстро закидываем в желудок высококалорийную солдатскую «парашу», всё запиваем солдатским чаем.

– Строимся в расположение!

Бежим строиться, после кратких инструкций сержантов, ждем транспорт до дивизии. Грузимся в автомашины. Едем друг на друге до дивизии, руки и ноги затекают, нас кидает в стороны на ухабах. Заезжаем в гвардейскую дивизию, едем по ней, с интересом смотрим по сторонам, наконец, прибываем в баню.

– К машине! – командует сержант Миниханов.

Мы выползаем из кузова с затекшими руками и ногами. Озираемся по сторонам, разминаем затёкшие руки и ноги, строимся. Заходим в баню. Большой предбанник с лавками, там раздеваемся, идем в промывочное отделение. В отделении видим пять кранов, из которых льется теплая вода!

Каждый солдат берет тазик, наливает в таз теплой воды и пытается, за очень ограниченное время, помыться. При этом сержанты плещутся у кранов, не замечая времени, а в это время доступ к заветному крану, с теплой водой, «молодому» солдату не доступен. С грехом пополам вся «молодежь» помылась. Выходим в предбанник. Каждый получает чистое бельё, одеваемся и выходим на улицу.

Красота! Как приятно в чистом белье, оно и пахнет по-особому, чистотой! Стоим, ждём сержантов, наслаждаемся праздником и недолгим спокойствием. Скоро подъедут автомашины, и мы опять уедем в свой зимний лес. Подъезжают автомашины, мы весёлой толпой занимаем места, садимся друг на друга и опять отправляемся в свой лес.

Правда, ненадолго сохранится свежесть, после обеда у нас кросс, нужно закалять наши пятки и ободранные пальцы ног, а для этого нужно, как правильно сказал наш командир учебной роты, больше бегать! Не в сказку попали, а в десантные войска! Слоны бенгальские! Мы вдохновенно бежим по красивому зимнему лесу, ползаем, ходим гуськом на корточках, бросаемся в снег, от воображаемых бравыми сержантами, взрывов. Но чувство чистого белья отложится в нашей солдатской памяти надолго.

3.4 Учебная тревога

– Рота, подъём! Учебная тревога! – кричит дневальный по роте.

Что-то новое! Мы вскакиваем, валимся друг на друга, толкаемся, материмся, надеваем «ПШ», мотаем портянки, засовываем ноги в горячо любимые кирзовые сапоги, схватив ремень с шапкой, несёмся на построение.

Перед строем вышагивают наши гвардейские сержанты.

– Недалеко от нашей базы высадился американский десант, сейчас получаете вооружение, специальные средства и строитесь на плацу!

Мы по очереди забегаем в оружейную комнату, получаем оружие, специальные средства, надеваем шинели, закрепляем полученное военное имущество на ремне, выбегаем на плац. Строимся в колонну по два.

– Бегом марш!

Выбегаем с территории базы, бежим по зимнему лесу.

– Вспышка слева! – командует сержант Миниханов. Мы бросаемся вправо, в другую сторону от взрыва.

– Отставить! Встаём, бежим дальше.

– Вспышка справа! Бросаемся влево на снег.

– Отставить! Бежим дальше.

– Вспышка сзади! Бросаемся вперёд на снег.

– По-пластунски вперёд! Самозабвенно ползём.

Шинель – очень неудобная штука, когда бежишь, полы шинели путаются под ногами, мешают бежать. Но ползать в ней очень удобно. Полы шинели стелем на снег, под колени и вперёд! Коленим тепло на снегу, очень удобно!

Когда мы уже порядком устали и выбегаем из леса на поле, звучит команда:

– В цепь, слева и справа по одному, вперёд!

Мы на ходу выстраиваемся в цепь, бросаемся в снег. Слева и справа по одному, с криками «Ура!» наступаем на превосходящего противника. Лежащие бойцы, в это время, прикрывают наступающих десантников кинжальным огнём. Противник в панике! Бежит от нас! Мы победили! Пленных не берём!

– Строиться! Мы строимся на снежной дороге, потные и счастливые.

– Задача по уничтожению вражеского десанта выполнена! – хвалит нас сержант Миниханов. – В колонну по два, бегом, выдвигаемся на базу, сдаём оружие, специальные средства, готовимся к обеду. Вперёд!

Наше крутое, «молодое», подразделение, уничтожившее американский десант, во главе с Терминатором, держит курс на базу. Бежим, дышим свежим воздухом. Подбегаем к казарме, фотографируемся с сержантами, для дембельских альбомов. Забегаем в расположение, сдаём оружие, специальные средства.

Я снимаю мокрую гимнастёрку, вешаю её на спинку кровати, стаскиваю тяжеленные сапоги, убираю сбившиеся на ногу портянки. Мозолей стало ещё больше. Надеваю тапки, хромаю к заветной аптечке, беру зелёнку с лейкопластырем, ковыляю к своей табуретке. Заливаю новые и старые мозоли зелёнкой, заклеиваю лейкопластырем. Хорошо! Какие хороший сегодня выдался день, крутые переживания и активные действия!

3.5 Письма из дома

– Строиться на обед! – кричит дневальный по роте.

Я хватаю мокрую гимнастёрку, натягиваю её на себя, мотаю сырые портянки, засовываю опухшие ноги в сапоги. Ощущаю себя ихтиандром. Хромая бегу на построение.

Спускаемся в столовую. «Встать», «сесть», «встать», «сесть», «встать», «сесть»... Это длится бесконечно... С удовольствием поглощаю солдатский обед, прогулка по зимнему лесу идёт впрок. Хорошо пообедал. «Встать», «сесть», «встать», «сесть», – отличные упражнения для уплотнения обеда. Поднимаемся в расположение.

Самое приятное для солдата, это получить письмо из дома. Полученные письма от родителей обходятся для «молодого» солдата безболезненно, а получение письма от друзей или от друзей, карается сержантами ударом ладонки по шее, на которую и положен этот конверт с заветным письмом.

После обеда к нам на базу приехал старослужащий Колчин, привёз почту. Он отдаёт нашим сержантам конверты, трещит с ними о том, о сём. Сержанты делятся с ним впечатлениями о нас, солдатское время нужно как-то убить. Они берут конверты и раздают их нам.

– Кириллов, письмо! – радостно кричит сержант Смирнов. Кириллов подходит к сержанту, тот показывает ему адрес на конверте.

– От кого? – ласково спрашивает сержант.

– От родителей, – шепчет «молодой» солдат Кириллов.

– Забирай! – разрешает сержант.

– Новиков! – продолжает сержант Смирнов.

– Я! – радостно кричу я

– От кого? – невинно спрашивает сержант.

– От подруги, – не поняв ещё, что меня ждёт, говорю я.

– Отлично! Положено штамп на конверт поставить! – учит сержант Смирнов.

– Как это? – интересуюсь я.

– Нагибай шею, – командует он.

Я нагибаю шею, он надувает, предварительно надорванный, конверт и кладёт его мне на шею. Со всего размаха бьёт по конверту ладонкой. Хлоп! Конверт взорвался с громким треском.

– Гы, гы, гы, гы, – загоготали довольные сержанты.

Дальше называют других счастливых, бьют по конвертам, веселятся, гогочут. В армии ведь так мало веселья, вот и развлекаются. Но это ведь не зазорно, так, детская шалость, не тельняшки с портянками старослужащим стирать! Так ведь?

Позднее все письма я называл «от родителей», чтобы не получать по шее. Иногда проходило, иногда нет, всё-таки сержанты не совсем тупые и запоминают адреса приходящих писем.

После цирка с раздачей писем готовимся к строевой подготовке. Надеваем шинели, выходим на плац. Строимся в колонну по два.

– Ша-а-а-гом марш! Раз, два, раз, два, левой ногой, правой, левой. Правой ногой, левой, раз, раз, раз, два, три. Раз, раз, раз, два, три! Напра-а-во, раз, раз, раз, два, три. Нале-е-во, раз, раз, два, три. Стой! Раз, два. Поднять правую ногу! Поднимаем выше! Держим! Тянем носок! Отставить! Поднять левую ногу! Поднимаем выше! Держим! Тянем носок! Отставить! Ша-а-гом марш!левой, левой ногой, раз, два, три. Песню запевай!

В зимнем лесу, под Псковом, звучит наша суровая строевая песня. Берегись, Америка, скоро «молодые» десантники придут в войска, из учебных подразделений!

– Стой! Раз, два! Заходим в расположение!

Стараясь не хромать, я заползаю на второй этаж. Снимаю шинель, добираюсь до своей табуретки, снимаю сырую гимнастёрку, вешаю её на душку кровати. Скидываю кирзовые сапоги, портянки, как обычно, сбились в один комок. Разглядываю опухшие ноги, покрытые кровавыми мозолями. Надеваю тапки, хромая, иду к аптечке. Зелёнка и лейкопластырь меня спасут. Заливаю зелёнкой вскрытые мозоли, заклеиваю лейкопластырем. Красота! Жжение в ступнях ног заметно убавилось.

– Строиться на ужин! – кричит дневальный по роте.

Натягиваю мокрую гимнастёрку, судорожно наматываю сырые портянки, со скрипом сую ноги в кирзовые сапоги, хватаю ремень с шапкой и лечу в строй.

Спускаемся в столовую. Встаём и садимся около стола, раз по десять. Наконец добираемся до каши, в темпе забрасываем её в свои желудки, запиваем чаем. Поднимаемся в расположение. Готовимся к завтрашнему дню. Подшиваемся, бреемся, моемся под умывальником.

– Строиться на вечернюю проверку! – кричит дневальный по роте.

Сержант Миниханов сверяет личный состав учебной роты по списку. Солдат, услышавший свою фамилию, кричит «Я!».

– Отбой!

Сто человек бегут, топая кирзовыми сапогами, к своим кроватям, толкаются, ругаются между собой. На ходу скидываем гимнастёрки, снимаем сапоги, раскручиваем сбившиеся портянки, всё складываем на табурет. Под табуретки вешаем портянки, ставим сапоги и летим в кровати, укрываемся одеялами. Всё это длится не более минуты.

– Отставить!

Я вскакиваю с кровати, прыгаю вниз на чьи-то плечи, меня обкладывают матом, я отвечаю аналогично, надеваю гимнастёрку, галифе, накручиваю портянки, натягиваю кирзовые сапоги, хватаю ремень с шапкой и бегу в строй.

– Отбой!

«Весёлые старты» продолжаются минут тридцать. Толпа «молодых» солдат, через ноги, познаёт солдатскую науку. С каждым разом «отбиться» получается всё быстрее и быстрее, наконец, мы затихаем под одеялами. Ещё один день прошёл, спокойной ночи!

3.6 Постирай тельняшку!

– Рота, подъём! – кричит дневальный по роте.

– Рота, подъём! – дублируют, трубя во всё горло, brave сержанты.

Я спрыгиваю со второго яруса, протискиваюсь к своей табуретке, натягиваю галифе, мотаю, красные от крови портянки, на ноги, со скрипом засовываю их в сапоги, надеваю гимнастёрку, хватаю ремень, с зимней шапкой и лечу на построение.

– Отставить!

На ходу снимаю ремень, скидываю гимнастёрку, толкаясь, подбегаю к своей табуретке. Стаскиваю с опухших ног кирзовые сапоги, разматываю портянки, всё аккуратно и быстро раскладываю на табуретке, лечу в кровать, укрываюсь одеялом. Затих, приготовился к очередному старту.

– Подъём!

Всё в обратном порядке. Минут двадцать мы шлифуем своё мастерство подъёма и отбоя. Наконец построились в расположении учебной роты. Перед нами, как павлины, ходят brave сержанты.

– Все живы, потерь нет? – изволят шутить долговязый сержант Стариков. – Выбегаем на зарядку!

Выбегаем на улицу, здесь холодно и мрачно. После тёплой солдатской кровати выходить на мороз смерти подобно. Я дрожу от холода, когда эти грёбанные сержанты изволят появиться?! Наконец они вышли, дали нам «старт». Через несколько метров становиться теплее, жить стало веселее. Краски в лесу стали яркими, не всё так плохо!

Зимний лес стал красивым, деревья пушистые, тишина. Раздаётся только топот более ста пар кирзовых сапог и наше дыхание. «Вспышка слева», «вспышка справа», «вспышка сзади». Прибегаем на спортивный городок.

– Повисли на турниках! Раз! – вверх, два! – вниз, раз! – вверх, два! – вниз.

Слабаки срываются с перекладин, сержанты, пинками, их загоняют обратно. Сильные «молодые» солдаты висят на турниках и ждут сорвавшихся, когда они повиснут снова.

– За одного отвечают все! – напоминает нам сержант Миниханнов. – Перешли на брусья!

Ходим на руках по брусьям, друг за другом. Здесь та же история. Слабаки умудряются упасть с брусьев, их опять пинками загоняют обратно, печальное зрелище! Чем эти слоны занимались на «гражданке»? Самогон по углам хлестали? Похоже на то!

– Заходим в расположение, умываемся, наводим порядок!

Я, уставший, но счастливый, ковыляю в расположение учебной роты, на второй этаж. Добираюсь до своей табуретки, снимаю насквозь мокрый китель, скидываю кирзовые сапоги. По ощущениям они весят килограмм по десять каждый! Разматываю сырые портянки, они сбились в одном месте, и опять натёрли пару новых мозолей. Ноги горят, как в огне. Разглядываю опухшие ноги, надеваю тапки и почти бегом, передвигаюсь к заветной аптечке. Беру зелёнку с лейкопластырем, заливаю открытые мозоли, залепляю пластырем, жжение, в ободранных, до мяса, пальцах, немного убавилось.

В тапках иду умываться, потом наводим порядок в расположении. По нитке ровняем полосы на одеялах, набиваем кантики. Ноги в тапках отдыхают.

– Строиться на завтрак!

Хватаю мокрый китель, натягиваю его на себя, мотаю на ноги, красные от крови, портянки, со скрипом засовываю в кирзовые сапоги, хватаю ремень, с зимней шапкой и ковыляю на построение.

Спускаемся в столовую. Как вкусно пахнет, оказывается, солдатская «параша» ещё и пахнет как настоящая еда, или это я очень голодный? Становимся вокруг стола, ждём команды сержантов, они не торопятся, а куда им торопиться? До дома им ещё, как до Китая пешком!

- Садись! Сели.
- Отставить! Встали.
- Садись! Сели.
- Отставить! Встали.
- Садись! Приступить к приёму пищи!

Раздатчик накладывает, в тянущиеся к нему тарелки, чудо-кашу. Мы начинаем усиленно работать ложками. Каша не хочет отлипнуть от тарелки, но мы очень настойчивы. Скоро она переходит в наши голодные желудки, становится хорошо и хочется спать, вот бы часик вздремнуть!

- Закончить приём пищи! Встать!
- Отставить! Сели.
- Встать! Надеваем шинели и выходим на строевую подготовку!

Поднимаемся в расположение, на второй этаж, надеваем шинели, выходим на плац. На улице мягкая зимняя погода, после завтрака организм работает и не мёрзнет. Стоим, ждём сержантов, разговариваем, наслаждаемся минутами отдыха. Под ногами скрипит снег. Выходят сержанты.

- Строиться в колонну по четыре! Шаго-о-ом ма-а-арш! Песню запе-е-евай!

В лесу, под Псковом, звучит наша лихая строевая песня. Мы ходим по плацу, оттачиваем строевые приёмы; повороты, передвижения, выход из строя, заход в строй. Тянем носок, держим ногу на весу. Ходим и строем, и по одному, и парами, и тройками.

Время не стоит на месте, приезжает автомашина с нашим обедом. Наряд по столовой выгружает продукты из автомашины. В воздухе запахло вкусной солдатской едой, сразу захотелось кушать, желудок призывно заурчал. Команды сразу стали исполняться не чётко, какие команды, когда кушать хочется?!

- Строиться на обед! – кричит сержант Смирнов.

Вот и до обеда дожили! Бежим в расположение, снимаем шинели, вешаем их на вешалки, бежим строиться на обед. Заходим в столовую, стоим около стола, ждём команды.

- Садись! Сели.
- Отставить! Встали.

Ещё минут пятнадцать приседаем около стола, тешим самолюбие сержантов. Наконец, добираемся до еды. Мелькают ложки, голодные солдаты усиленно жуют. Нужно успеть съесть максимальное количество еды, чтобы ни остаться голодным.

- Окончить приём пищи! Встать!
- Отставить! Сели.
- Встать! Заходим в ленинскую комнату, учим Устав.

Хорошая команда, будем сидеть в ленинской комнате, будем бороться со сном, а потом и с голодом. Но бежать никуда не нужно, лафа! Сидим, отдыхаем, раненые ноги гудят...

- Новиков, к сержанту! – кричит дневальный по роте.
- В бытовой комнате сидит сержант Миниханов.
- Вызывали, товарищ сержант? – спрашиваю я его, подходя.
 - Да, – говорит сержант из Альметьевска.
- Берёт со стола свою грязную тельняшку и бросает её мне.
- Постирай! – требует он.
 - Что?! Я постирай?! – в бешенстве спрашиваю я.
 - Ты, – удивляется сержант Миниханов.
 - Найди там слона и отдай ему свою тельняшку! – показываю я на свой призыв.

- А ты не слон? – спрашивает сержант, удивлению сержанта нет предела.
- Я не слон! – отрезаю я.
- Ну, ну, придёшь в войска, быстро обломают! – пугает меня гвардейский сержант.
- Посмотрим! – говорю я, и выхожу из бытовой комнаты.

Захожу в ленинскую комнату, продолжаю учить Устав. Взбесил меня этот, решивший, что он крутой сержант, придём в войска, я им покажу как нужно себя вести! Сам, сто пудово, этот тощий татарин, стирал своим старослужащим форму. Не на того напал, слон бенгальский!

После этого разговора, сержант Миниханов стал более пристально за мной следить, чаще ставить меня в наряды, докапываться по мелочам. Но меня этим не достанешь, мне глубоко плевать на сержантские потуги! Кто, интересно, постирал этому сержанту его грязную тельняшку, ведь всё равно, он нашёл для себя прислугу, в лице «молодого» солдата!

- Рота, строиться на ужин!

Строимся в расположении, спускаемся в столовую, встаём вокруг столов.

- Садись! Сели.
- Отставить! Встали.
- Садись! Приступить к приёму пищи!

Опять замелькали ложки, заработали челюсти. Сержанты сидят за отдельным столом, смеются над нами, лакомятся пирожными, пьют соки. Хорошо быть сержантом!

- Закончить приём пищи! Встать!

- Отставить! Сели.

– Встать! Заходим в расположение роты, готовимся к завтрашнему дню, подшиваемся, бреемся.

Я поднимаюсь в расположение, добираюсь до своей табуретки. Снимаю китель, вешаю его на душку кровати. Стягиваю кирзовые сапоги, распутываю, сбившиеся в комок, портянки, надеваю тапки и ковыляю к заветной аптечке. Заливаю кровавые мозоли зелёной, залепляю новым лейкопластырем, стало гораздо легче!

В тапках иду умываться, бриться. Сажусь на табуретку, и меняю подворотничок на кителе. День службы почти закончен, несколько минут покоя.

- Рота, строиться на вечернюю проверку! – кричит дневальный по роте.

Долговязый сержант Стариков проводит переключку личного состава учебной роты. Незаконно отсутствующих нет, никто не дезертировал.

- Отбой!

Стадо из тридцати «молодых» солдат устремилось к своим кроватям. Места катастрофически не хватает. Мы толкаем друг друга, ругаемся. Около своей табуретки я снимаю китель, кирзовые сапоги, раскручиваю портянки, всю форму складываю на табуретке, портянки внизу, под табуреткой. Ныряю в кровать, укрываюсь одеялом. Затаился, будет продолжение цирка.

- Отставить!

Все бежим обратно, топот кирзовых сапог раздаётся, наверно, до Пскова. Толкаемся, ругаемся, ковыляем на построение. На ходу приводим себя в порядок.

- Отбой!

Сто человек, на ходу раздеваясь, бежит к своим кроватям. Скидываем на табуретки свою форму, летим в кровати, укрываемся одеялом. Прыгаем полчаса, радуем сержантов. Но всему приходит конец, конец пришёл и нашим прыганьям, затихаем под одеялами. Я сразу засыпаю. Спокойной ночи!

3.7 Шестёрки

Весь личный состав учебной роты начал разбиваться по группам, для лучшего выживания в экстремальных условиях. И, естественно, начали возникать трения между группами. Я сблизился с солдатом с Украины, Хохловым. Единственный минус Хохлова состоял в том, что он болел плоскостопием, и практически, не мог бегать. На всех мероприятиях, по бегу, мне приходилось тащить его за собой.

Одна из таких групп состояла из солдата Толстого, Рождественского и Жабина.

1. солдат Толстый – крупный, басистый парень, лет 18, с замашками начинающего лидера. Место жительства не известно.

2. солдат Рождественский – худой тип, неопределённого возраста, состоящий из оттопыренного уха, наверно родовая травма, гнилых зубов – не во всём Советском Союзе были кабинеты стоматологов, и бегущих от страха глаз. Место жительства, в захолустном углу Советского Союза. Судя по сгнившим зубам, родился в эпоху динозавров.

3. солдат Жабин – худой, похожий на свою фамилию человек, лет 18 от роду. Место жительства не известно.

Толстый, отчего-то, думает, что он очень сильный, и решает подмять под себя весь личный состав учебной роты. С его мнением я, естественно, не согласен. А так как у лидера должны быть свои шестёрки, для количества, то в роли шестёрок выступил солдат Жабин и солдат Рождественский.

Две шестёрки Толстого неотступно следуют за своим хозяином. Хихикают и лебезят перед ним. Так как Толстый позиционировал себя мастером рукопашного боя, мне пришлось выйти с ним на разборки в лес, но Толстый мастером рукопашного боя был только в своих, розовых, мечтах, а поэтому, мне не понадобилось его бить, просто разошлись после обмена любезностями. Солдат Толстый бросил попытки физического воздействия, и совместно со своими шестёрками, перешёл на простое хихиканье и на тупые подколки, как, впрочем, и положено кучке необразованных слонов.

Так, весь «Курс молодого бойца», я и отбивался, словесно, от этой стаи слабосильных шестёрок. Правда, один раз пришлось, в лесу, солдату Жабину дать по фейсу, просто, для урока. Он попробовал помахать своими кривыми ногами, но получил в челюсть, пару раз. Бокс, это тебе не шутки, солдат Жабин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.